

ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМА В МНОГОГРАННОМ ТВОРЧЕСТВЕ ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА

Яков Рабинович

Еврейские темы, мотивы и реминисценции в той или иной мере неизменно присутствовали в творчестве Эренбурга. Уже в сборнике «Я живу» (1911) он поместил стихотворение «Еврейскому народу», проникнутое гордостью за свой народ, за его великое прошлое, болью за настоящее и надеждами на будущее в родной стране, «где счастье знал ты в юности своей». Стихотворения «Евреи, с вами жить не в силах», «В Париже, среди толпы нарядной...» (оба — 1912 г.) говорят о сложном чувстве ненависти-любви к евреям, но в глубине души поэт всегда осознаёт своё еврейство. Стихотворение «Где-то в Польше» (1916) — отклик на военные погромы и выселения в годы I мировой войны. Бесконечность еврейских страданий и постоянная враждебность окружающей среды подчеркивается в колыбельной («Ночью приходили / И опять придут./ Дедушку убили, / И тебя убьют»). Характерно, что это стихотворение по своей тональности перекликается с другим, написанным через 29 лет, — «В это гетто люди не придут».

Еврейские мотивы, правда, весьма ограниченно, присутствуют и в военной публицистике (сборник «Лик войны»).

В 1918 г. Эренбург принял участие в московском альманахе «Еврейский мир» (кн. 1, «Баллада об Исааке Зильберсоне»). В газете «Киевская жизнь» в 1919 г., в период еврейских погромов, устроенных Добровольческой армией, Эренбург публикует стихотворение «Еврейская кровь» («... если бы еврейская кровь лечила — Россия была бы теперь цветущей страной...») и ответ на статью монархиста В. Шульгина «Пытка страхом» — «О чем думает жид», в котором призывает российских евреев, несмотря ни на что, «любить нашу Россию». Ответ Шульгину даже в нееврейской прессе был оценен как «стон раненого раба» (ленинградский журнал «Былое», № 1, 1925).

В «Хулио Хуренито» еврейская тема занимает значительное место. Еврейское начало, персонифицированное в литературном герое, носящем имя автора — Илья Эренбург, — противопоставлено немецкому началу, воплощённому в Карле Шмидте, который заявляет: «Убить для блага человечества одного умалишённого старика и десять миллионов — различие лишь арифметическое». Отдельная 11-я глава «Пророчество Учителя о судьбах иудейского племени» полностью посвящена грядущей трагедии еврейского народа. Пророчество открывается газетным объявлением: «В недалёком будущем состоятся торжественные сеансы Уничтожения иудейского племени в Будапеште, Киеве, Яффе, Алжире и во многих иных местах. В программу войдут, кроме ... традиционных погромов, ... сожжение иудеев, закапывание их живьем в землю, опрыскивание полей иудейской кровью и новые приемы...». Если в одной из «Шести повестей о легких концах — «Опытно-показательная колония № 62» — еврейский мотив выражен лишь именем героини — педагога-идеалистки Берты Соломоновны Гольдберг, заведующей колонией для дефективных детей, и рассказом о её жертвенной смерти, то произведение этого сборника «Шифс-карта» целиком посвящено еврейской тематике. Трагическая эпоха революции представлена здесь как предмессианский период с сопутствующими ему мессианскими муками (см. Мессия). Гибель от рук погромщиков часовщика Гирша, одного из скрытых праведников (ср. Ламед-вав цаддиким), спасает Бердичев от кровавого погрома. Так же просветлённо, с улыбкой на устах, обращённой к Всевышнему, гибнет от рук убийц скорняк Шехтель в рассказе «Старый скорняк».

В творчестве Эренбурга 1920-х гг. еврейская тема присутствует в стихах «Вы принесли мне сиротство...» (1921), «Когда замолкнет суесловие» (1922) и др., в рассказе «Третья трубка» и в эссе «Ложка дегтя» (1927). Она широко представлена в романе «В Проточном переулке», ей посвящены путевые очерки «Мокрым полотенцем», «Реб Йоселе и брацлавские хасиды», «Святая щука», «Сторожа гетто», «Тоже под талесом», «Вылазка», «Корчма и рабби Акива» («Виза времени»). Однако полнее всего она нашла отражение в «Бурной жизни Лазика Ройтшванеца». Этот роман о неприкаянном еврейском бродяжке, которому неуютно и плохо и в Советском Союзе, и в Восточной, и в Западной Европе, и даже в Палестине, где, тоскуя по родному Гомелю, он организует Союз возвращения на родину. Несмотря на резкую критику как со стороны официальной советской пропаганды (даже в 1964 г. Л. Ильичёв подчеркивал, что роман носил антисоветский характер и служил врагам СССР подспорьем в нападках на советскую власть), так и со стороны сионистских кругов, Эренбург объяснял своё нежелание печатать книгу в 1960-х гг. лишь внутренней национальной самоцензурой, так как «после нацистских зверств опубликование многих сатирических страниц мне кажется преждевременным».

В 1930-е гг., ознаменовавшие переход Эренбурга на позиции советской власти, еврейская тема в его творчестве также претерпела изменения. В романе «Единый фронт» (1930) фигурируют американские банкиры и фабриканты еврейского происхождения, лишённые каких-либо еврейских черт, а также австрийский капиталист Рубин, посещающий синагогу, жертвующий на евреев Эрец-Исраэль, пострадавших от арабов («В Палестине он за евреев. В Австрии он за себя»). В романе «Фабрика снов» (1931) действуют американские киномагнаты-евреи. В романах «День второй» и «Не переводя дыхания», в которых Эренбург начал выполнять «социальный заказ», появляются иные евреи – революционер Григорий Шор, отдающий всего себя строительству металлургического комбината, и др. строители новой жизни, евреи лишь по фамилии; на периферии повествования («День второй») присутствует семья раввина из Минска, оказавшаяся, по всей видимости, не по своей воле в Томске, у которой маленький сын уже не мыслит праздника (Рош-ха-Шана) без красных флагов. В сборнике «Вне перемирия», в одном из рассказов (без названия), молодой еврей-коммунист Герш, сын хасидского цадика, гибнет при подавлении рабочего бунта на фабрике, принадлежащей еврею. Похороны этого рабочего лидера превращаются в демонстрацию братства и солидарности евреев и не евреев.

В публицистике середины 1930-х гг. отношение к еврейской теме резко меняется. Например, в очерках «В джунглях Европы» хасидов, о которых Эренбург с явной симпатией писал в 1920-х гг. в путевых очерках «В Польше» и чьи легенды он использовал в «Лазике Ройтшванеца», он сравнивает с немецкими фашистами.

В антифашистской публицистике Эренбурга 1933-39 гг. постоянно подчёркивается зоологический антисемитизм нацистов. При этом Эренбург постоянно замечал, что антисемитизм не является самоцелью, а лишь одним из компонентов этой человеконенавистнической теории и практики.

Принято думать, что есть только два пути окончательного решения так называемого еврейского вопроса (кроме того, конечно, которое предлагал Гитлер): создание еврейского национального государства или ассимиляция. Но человек, о котором идёт речь в этой статье, всю жизнь придерживался иного взгляда на эту проблему. Он выбрал свой, особый, третий путь. Утверждение это может показаться совершенно беспочвенным. Во-первых, потому что третьего пути вроде бы и в самом деле не существует. А во-вторых, потому что Эренбург (так, во всяком случае, тоже принято думать) всю жизнь был последовательным и убежденным сторонником ассимиляции евреев, растворения их в культуре тех народов, среди которых они живут.

Оснований для такого взгляда на эренбургское решение еврейского вопроса было немало. И основания эти были серьёзные. Илья Григорьевич никогда не отрекался от своего еврейства. Он даже на нём настаивал, добровольно взяв на себя (а может быть, это само собой так получилось) роль еврейского печальника, как однажды назвал его Борис Слуцкий:

Эти искаженные отчаяньем
Старые и молодые лица,
Что пришли к еврейскому печальнику,
Справедливцу и нетерпеливцу,
Что пришли к писателю прошений
За униженных и оскорбленных,
Как он, лежа в саванах, в пеленах,
Выиграл последнее сражение.

Последняя строчка этого короткого стихотворения многозначительна. За ней – не минутное настроение, а выношенная, продуманная концепция. И неспроста Слуцкий в том своём стихотворении назвал Эренбурга не писателем, а "писателем прошений". Это была не случайная обмолвка. По его глубокому убеждению, именно в этом своём качестве Илья Григорьевич и выиграл свое "последнее сражение". Да, он действительно был "писателем прошений за униженных и оскорбленных". И действительно был едва ли не последним еврейским печальником и заступником (из тех "лиц еврейской национальности", что ещё сохранили какой-никакой официальный статус).

Но, неизменно настаивая на своей принадлежности к гонимому племени, Илья Григорьевич так же неизменно подчёркивал, что связан с еврейством не той кровью, что течёт в жилах, а той, что течёт из жил. Формула эта принадлежит Юлиану Тувиму. "Я - поляк, потому что мне нравится быть поляком! – писал он в своем обращении, озаглавленном "Мы - польские евреи", которое Эренбург любил вспоминать и цитировать. – Я - поляк, потому что в Польше я родился, вырос, учился, потому что в Польше узнал счастье и горе, потому что из изгнания я хочу во что бы то ни стало вернуться в Польшу, даже если мне будет в другом месте уготована райская жизнь... Я - поляк, потому что по-польски я исповедовался в тревогах первой любви, по-польски лепетал о счастье и бурях, которые она приносит. Я поляк ещё потому, что берёза и ветла мне ближе, чем пальма или кипарис, а Мицкевич и Шопен дороже, нежели Шекспир и Бетховен, дороже по причинам, которых я опять-таки не могу объяснить никакими доводами разума... Я слышу голоса: "Хорошо. Но если вы - поляк, почему вы пишете "мы - евреи"? Отвечу: "Из-за крови". - "Стало быть, расизм?" - "Нет, отнюдь не расизм. Наоборот. Бывает двоякая кровь: та, что течёт в жилах, и та, что течёт из жил. Первая - это сок тела, её исследование – дело физиолога. Тот, кто приписывает этой крови какие-либо свойства, помимо физиологических, тот, как мы это видим, превращает города в развалины, убивает миллионы людей и, в конце концов, как мы это увидим, обрекает на гибель свой собственный народ. Другая кровь – это та, которую главарь международного фашизма выкачивает из человечества, чтобы доказать превосходство своей крови над моей, над кровью замученных миллионов людей... Кровь евреев (не "еврейская кровь") течёт глубокими, широкими ручьями; почерневшие потоки сливаются в бурную, вспененную реку, и в этом новом Иордане я принимаю кровавое, горячее, мученическое братство с евреями..."

Под этими словами Эренбург мог бы подписаться, как говорится, обеими руками. Разве только заменив слова "я - поляк" на "я - русский", а имена Мицкевича и Шопена на имена Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Толстого, Чехова... Да он, в сущности, и

подписался под этими словами Тувима. Прочитывая их, добавил: "Эти слова, написанные кровью, "той, что течёт из жил", переписывали тысячи людей. Я прочитал их в 1944 году и долго не мог ни с кем говорить: слова Тувима были той клятвой и тем проклятьем, которые жили у многих в сердце. Он сумел их выразить". Эту клятву и это проклятье он прочёл в 1944 году. Но почувствовал то, о чём сказал Тувим, и попытался по-своему это выразить – раньше. (И сделаем важное уточнение (пока в скобках): несколько иначе расставив акценты).

Пакт СССР и Германии и начало 2-й мировой войны во многом способствовали пересмотру ряда позиций и оценок, в частности, и по еврейскому вопросу. Тогда было написано стихотворение «Бродят Рахили, Хаимы, Лии...» (1941), строки которого: «Горе, открылась старая рана, мать мою звали по имени – Хана», – могут служить ключом к пониманию всего его дальнейшего творчества, связанного с Катастрофой и еврейской темой.

Вот это короткое стихотворение, помеченное сорок первым годом:

Бродят Рахили, Хаимы, Лии,
Как прокажённые, полуживые,
Камни их травят, слепы и глухи,
Бродят, разувшись пред смертью, старухи,
Бродят младенцы, разбужены ночью,
Гонит их сон, земля их не хочет.
Горе, открылась старая рана,
Мать мою звали по имени – Хана.

Он тоже, говоря словами Тувима, принял в этом новом Иордане "кровавое, горячее, мученическое братство с евреями".

24 августа 1941 г. Эренбург выступил на митинге представителей еврейского народа в Москве с обращением «Евреям». Трагедии и героизму еврейского народа посвящены статьи «Евреи» (1942), «Земля Пириятина» (1943), «Торжество человека» (1944) и др., стихи, написанные в 1943-44 гг.: «Запомни этот ров» (1944), «Бабий Яр» (1945), «В это гетто люди не придут» (1946), «За то, что зной полуденной Эсфири» (1946), «Скребёт себя на пепле Иов...» (1962) и др., а также рассказ «Конец гетто» (1944). Об этом говорят все его стихи военных лет, написанные на еврейскую тему:

Я жил когда-то в городах,
И были мне живые милы,
Теперь на тусклых пустырях
Я должен разрывать могилы,
Теперь мне каждый яр знаком,
И каждый яр теперь мне дом.
Я этой женщины любимой
Когда-то руки целовал,
Хотя, когда я был с живыми,
Я этой женщины не знал.
Мое дитя! Мои румяна!
Моя несметная родня!
Я слышу, как из каждой ямы
Вы окликаете меня...

Стихотворение называлось "Бабий Яр". Написано оно было в 1944 году. Эренбург впервые рассказал о массовых убийствах евреев в столице Украины Киеве:

...Теперь на тусклых пустырях,
Я должен разрывать могилы.
Теперь мне каждый яр знаком,
И каждый Яр теперь мне дом.
Задуйте свет, спустите флаги.
Мы к вам пришли, не мы – овраги.

Киев – столица Украины – после его освобождения напоминал сплошную руину. А трагедия Бабьего Яра, где было убито, истерзано, замучено ни в чём не повинных 200 тысяч советских граждан, как это было принято говорить в советской печати! Когда Эренбург побывал на этой всемирно известной могиле фашистского геноцида, он воочию увидел, как земля выталкивала почерневшие от ожога черепа и кости и как украинское правительство во главе с Никитой Хрущёвым запрещало там собираться людям. Ловили и преследовали непокорных.

Но мужественные непокорные патриоты, такие, как Виктор Некрасов, Иван Дзюба, вопреки всем запретам в 25-летнюю годовщину трагедии, в сентябре 1966 года, пришли в Бабий Яр и выступили перед теми, кто решил собраться там. Приведём отрывок из выступления Ивана Дзюбы в тот день:

"Бабий Яр – это трагедия всего человечества, но произошла она на украинской земле, и поэтому украинец не имеет права забывать о ней, так же, как и еврей. Бабий Яр – это наша общая трагедия, трагедия, прежде всего, еврейского и украинского народов. Эту трагедию принес нашим народам фашизм. Однако не нужно забывать, что фашизм начинается не с Бабьего Яра и им не исчерпывается. Фашизм начинается с неуважения к человеку, а заканчивается уничтожением личности, уничтожением народов – но не обязательно таким образом, как в Бабьем Яре...

Антисемитизм – явление "интернациональное", он существует во всех обществах. К сожалению, не свободно от него и наше общество. В этом, может быть, и не было бы ничего удивительного, ведь антисемитизм – плод и спутник векового бескультурья и неволи, первое и неминуемое порождение политического деспотизма, и преодолевается он – в масштабах целых общественных формаций – не легко и не быстро. Но удивительно другое: то, что на протяжении послевоенных десятилетий против него по существу не велось настоящей борьбы, более того – он временами искусственно подкармливался...

Мы, украинцы, должны в своей среде вести борьбу с хоть какими проявлениями антисемитизма или неуважения к еврею, с непониманием еврейской проблемы».

Виктор Платонович Некрасов – это человек, опередивший время. В детстве жил за границей, получил отличное образование, имел два гуманитарных диплома. Участник Великой Отечественной войны, он, как и Эренбург, стал автором правдивой книги о войне. И правда эта была настолько невыгодной многим власть имущим, что фильм "Солдаты", снятый по повести "В окопах Сталинграда", которая к тому времени была переведена на многие языки, оказался на полке хранилища. Кстати, полученную за эту повесть Сталинскую премию Виктор Платонович истратил на покупку колясок для тех, которые вернулись с войны искалеченными.

...В первые послевоенные годы задачи были и «поважнее» Бабьего Яра, только какие-то тёмные личности ползали по его дну в поисках то ли бриллиантов, то ли золотых коронок... Это неслыханное варварство глубоко ранило душу И. Эренбурга.

Лет двадцать спустя, в середине 60-х, в Киеве над Бабьим Яром бушевал, как теперь у нас принято говорить, несанкционированный митинг. Выступал Виктор Платонович Некрасов.

- Убивали не только евреев! - выкрикнул кто-то из толпы.

- Да, - согласился Виктор Платонович. - Убивали не только евреев. Но лишь евреев убивали только за то, что они евреи.

Вот этой, ни на минуту не отпускавшей его мыслью, а лучше сказать, не мыслью, а чувством, пронизаны все "еврейские" стихи Эренбурга военных лет:

За то, что зной полуденной Эсфири,
Как горечь померанца, как мечту,
Мы сохранили и в холодном мире,
Где птицы застывают на лету,
За то, что нами говорит тревога,
За то, что с нами водится луна,
За то, что есть петлистая дорога
И что слеза не в меру солона,
Что наших девушек отличен волос,
Не те глаза и выговор не тот,
Нас больше нет.
Остался только холод.
Трава кусается и камень жжёт.

По заданию Сталина в «Правде» была опубликована статья Эренбурга с целью поддержать советский внешнеполитический курс в отношении Израиля и развенчать в то же время в глазах советского еврейства сионизм как идею всемирного братства евреев.

Эренбург прекрасно понимал, что для мирового еврейства жизненно необходимо создание собственного государства, без которого оно не в состоянии защитить интересы своего народа, отстоять и уберечь его от нового геноцида. А поэтому лукавый тон статьи не загасил, а ещё больше накалил бушевавшие страсти. Как пишет Г.В Костырченко, «Евреи, пленённые магией национализма, не услышали прозвучавшего призыва к благоразумию и покорности, но зато почувствовали в подтексте статьи своего рода идеологический коллаборационизм с ассимиляторским режимом», который со всей властной жестокостью стремится выжить еврейский элемент не только с управленческих ведомств, но и из всех сфер социально-экономических.

После публикации статьи в газете «Правда» (а вслед за ней газета «Эйникайт» перепечатала статью и поддержала её тезисы) пошёл вал критических писем со всех концов страны. «Кто дал право Эренбургу говорить от имени евреев?» - спрашивал один из читателей еврейской газеты и продолжал: «Как известно, Эренбург никогда не интересовался общественной жизнью евреев. Интересно, видел ли он вообще евреев? Эренбург ... – из тех «парижских» советских патриотов, которые, если бы их Гитлер не вытолкнул оттуда, не вспомнил, что мать его Хана... Возможно, что у Эренбурга общего с евреями столько, сколько имеют курносые с курносыми или рыжие с рыжими, когда они чувствуют, что их преследуют... Эренбург сравнивает Израиль с пароходом, на котором едут евреи, спасшиеся от Майданека. Если бы француз так говорил о Франции, то французский народ разорвал бы его на куски. К сожалению, евреи этого себе разрешить не могут, они только питают злобу к нему и ненависть. Пусть Эренбург знает, что проклятие народа его настигнет, и он не смоеет его никогда». Другой читатель, до глубины души возмущённый фальшивым содержанием статьи, без обиняков выразился: «По Эренбургу, ... евреи должны ассимилироваться... Если Михоэлс прочитал бы на страницах

«Эйникайт» статью Эренбурга, он бы содрогнулся в своей могиле от злобы и горя...Еврейский народ не желает слушать советы Эренбурга».

Приходили и послания в стихах. Вот одно из них:

Чему поверить? Где же Ваши мысли?
В строках из «Правды» или в ответе Алигер?
Где лжёте Вы, еврейский Квислинг?
Где правду пишете – тогда или теперь?...
Чего Вы ищете? Почёта? Денег? Славы?
Неужто мало Вам презренного добра?
Иль, может быть, попутал Вас лукавый
И Вы решили заменить нам Бар-Кохба¹?
Святая простота! Да Вам ли быть героем?
В вождях не может быть пластун и вечный раб.
Не Вам, писателю без родины, изгою,
Вести народ еврейский на врага.

...Еврейская общественность выступила с резкой критикой в адрес писателя-ассимилятора. Эренбург вынужден был из целенаправленной критики в его адрес сделать соответствующие выводы. Да мог он и предвидеть реакцию российского еврейства, которое ощутило все прелести сталинского диктата.

В одной из глав романа Фазиля Искандера "Сандро из Чегема" рассказывается о еврее Самуиле, которого занесло (куда только ни заносил евреев суровый ветер рассеяния) в высокогорный Чегем. Чегемцы, впервые столкнувшись с представителем странного народа, живущего не на своей земле, засыпают его вопросами, на которые он отвечает легко, не задумываясь. Но один из вопросов чуть было не поставил его в тупик:

– Ответь нам на такой вопрос, Самуил, – спросили чегемцы, – еврей, который рождается среди чужеродцев, сам от рождения знает, что он еврей, или он узнаёт об этом от окружающих наций?

– В основном от окружающих наций, - сказал Самуил и добавил, удивлённо оглядывая чегемцев: – Да вы совсем не такие простые, как я думал?..

Вопрос и в самом деле свидетельствует о том, что чегемцы – совсем не такие простаки, какими могли показаться. Этим вопросом они попали, что называется, в самую точку. Ухватили самую суть. Это, на самом деле, очень глубокий, если угодно, метафизический вопрос.

Мартин Бубер в статье "Еврейство и евреи" (1911) приводит слова некоего Морица Геймана, сказавшего по этому поводу следующее: "То, что еврей, занесённый на необитаемый, непосещаемый остров, представляет себе как еврейский вопрос, только это и есть еврейский вопрос". Предполагается, очевидно, что еврей, оказавшийся на необитаемом и непосещаемом острове, узнаёт (если узнаёт!) о том, что он еврей, не "от окружающих наций". Во всяком случае, там он уж точно не услышит того, что в обитаемом мире ему приходилось слышать постоянно...

Но и Мориц Гейман, и цитировавший его Мартин Бубер, судя по всему, тоже уверены, что там, где есть евреи, непременно возникнет еврейский вопрос. Даже на необитаемом острове! Но только там, на необитаемом и непосещаемом острове, этот проклятый вопрос обретёт, наконец, свой истинный смысл. Именно там, освободившись от необходимости стесняться своего еврейства, отречься от него ("отъевреиваться"),

¹ Бар-Кохба (арам. – Сын звезды) – объявивший себя мессией вождь антиримского восстания в Иудее в 132 – 135 годах.

равно как и от противоположного комплекса, проявляющегося в стремлении подчёркивать свою кровную ("не той кровью, что течёт в жилах, а той, что течёт из жил") связь с преследуемым, истребляемым народом, – только там, оставшись наедине с собой, еврей сможет докопаться до своей еврейской сути. Иными словами, только на необитаемом острове пресловутый еврейский вопрос предстанет перед ним как вопрос сугубо метафизический, экзистенциальный.

Это отступление понадобилось мне для того, чтобы объяснить, в чем всё-таки состояла разница между отношением к "еврейскому вопросу" Ильи Эренбурга и лирической героини поэмы Маргариты Алигер "Твоя победа". И почему я сказал, что самодельный автор "Ответа Маргарите Алигер" что-то главное угадал не только в позиции Алигер, но и в позиции Эренбурга тоже.

Лирическая героиня поэмы Алигер про то, что она принадлежит к иудейскому племени, узнаёт "от окружающих наций". На необитаемом и непосещаемом острове она и не вспомнила бы о том, что она еврейка. Эренбург остался бы евреем и на необитаемом острове.

В то же время, когда он был близок (под влиянием Франсиса Жамма, стихами которого он был тогда увлечён) к тому, чтобы принять католичество, вылились у него из души такие строки:

Евреи с вами жить не в силах.
Чуждаясь, ненавидя вас,
В скитаньях долгих и унылых
Я прихожу к вам всякий раз...
Отравлен я еврейской кровью.
И где-то в сумрачной глуши
Моей блуждающей души
Я к вам таю любовь сыновью.
И в час уныний, в час скорбей
Я чувствую, что я еврей!

О строке «Отравлен я еврейской кровью» уже не скажешь, что речь в ней идет о той крови, «что течёт из жил». Нет, это о той крови, «что течёт в жилах». Так что же всё это значит? Чем была для него и как проявляла себя в нём, в его душе, в его ощущениях, словах и поступках эта «отрава»?

Во всём цивилизованном мире слово "еврей" обозначает принадлежность к иудаизму. И только еврей, принявший христианство (католичество, лютеранство, православие), – уже не еврей. Так же на это, насколько мне известно, смотрят и в Израиле. Илья Эренбург не принадлежал к иудаизму, так сказать, конфессионально. Ни к какой другой конфессии он тоже не примкнул. Хотя однажды он был близок к такому решению. В автобиографии, опубликованной в 1928 году, рассказывая о раннем, парижском, периоде своей жизни, он вспоминает: "Предполагал принять католичество и отправиться в бенедиктинский монастырь. Говорить об этом трудно. Не совершилось". (Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. – М., 1928, с. 385). Поскольку "не совершилось", у него остаются все основания продолжать считать себя евреем. Но вся штука в том, что даже если бы это и совершилось, Эренбург (для себя, в собственных своих глазах) продолжал бы не только считать себя, но и на самом деле быть, оставаться евреем. Потому что еврей для него – категория не этническая, не конфессиональная и даже не религиозная, а экзистенциальная. В своих послевоенных очерках о странах Восточной Европы Эренбург косвенно затрагивал и тему антисемитизма, ответственность за который он возлагал на силы реакции.

В романе «Буря» рассказывается о судьбе еврейской семьи Альперов, часть которой живёт во Франции, другая – в Советском Союзе. Показывая трагическую судьбу членов этой семьи, Эренбург проводит героев книги через Бабий яр, Освенцим, другие ужасы войны. Мать, дочь и живший во Франции брат одного из главных героев романа, Осипа Альпера, убиты нацистами, жена погибла, мстя за родных, а он находит утешение в восстановлении Советской Родины. Описывая судьбу Альперов, Эренбург показывает, что война против нацизма объединила евреев, независимо от их политических взглядов и политического строя их стран. В «Девятом вале», продолжающем сюжетную линию «Бури», Осип, служивший в советских оккупационных войсках в Германии, во время побывки в Киеве слышит: «Что вы в Палестину не едете? У вас теперь своё государство».

В сентябре 1948 г. в «Правде» была опубликована статья Эренбурга «По поводу одного письма», написанная по просьбе властей. Она была посвящена еврейскому вопросу, сионизму и государству Израиль. Напоминая о поддержке Советским Союзом нового государства, Эренбург подчёркивал, что после создания Израиля еврейский вопрос останется. Он будет решён при победе социализма во всем мире и исчезновении антисемитизма. Далее он писал, что, поскольку в СССР нет антисемитизма, советские евреи – патриоты своей родины – относятся к борьбе Израиля за существование, как к любой другой справедливой войне. Независимо от отношения Эренбурга к сионизму, статья косвенно предостерегала советских евреев от необдуманных действий и предупреждала о смене советской политической тенденции (уже был арестован Д. Гофштейн, а спустя два месяца, в ноябре, был разгромлен Еврейский Антифашистский Комитет). Откликом на кампанию против «космополитов» явилось написанное в 1948 г. стихотворение «К вечеру улегся ветер резкий».

В «Оттепели» Эренбург, насколько это было возможно, описал атмосферу, царившую во время дела врачей. В статье «Дневник Анны Франк», в эссе «Перечитывая Чехова», в письмах в газеты в 1960-х годах и в мемуарах Эренбург неоднократно затрагивал тему неизжитого антисемитизма (в том числе и в Советском Союзе).

После смерти Эренбурга в 1967 г. было опубликовано стихотворение «Сем Тоб и король Педро жестокий» о мудром и принципиальном средневековом испанском поэте - еврее.

Произведения Эренбурга переведены на все основные языки мира. Ещё с 1920-х гг. они переводились на идиш и иврит.

Сегодня, когда прошло более 40 лет после ухода из жизни выдающегося писателя-антифашиста, редко кто вспоминает о сложном творческом пути Ильи Эренбурга и той громадной работе, которую на протяжении всей своей жизни он неустанно выполнял. Но то, что было им сделано, осталось в назидание потомкам на века.